

А. В. АНАНЬЕВА

**КУЛЬТУРА РОССИИ В НАУЧНОЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
АНДРЕЯ КАРЛОВИЧА ШТОРХА (1766—1835)**

«Первое сильное впечатление в Павловске, — вспоминает Александр Николаевич Бенуа проведенное там лето 1875 г., — произвел на меня аист, скульптурно изображенный в гербе на фасаде новехонькой громадной дачи господина Шторха, представшей перед моими глазами, когда, едучи в коляске от вокзала <...> мы спустились к мосту, с которого и можно было лицезреть эту архитектурную диковину. <...> Дача господина Шторха с ее аистом с тех пор не переставала притягивать меня, и моей любимой прогулкой (особенно в начале лета) была именно дорога к тому мосту, с которого открывался вид на замок с аистом. Да и сам владелец этого замка меня очень интриговал; он мне представлялся существом фантастическим и, несомненно, похожим на „свою“ птицу, иначе почему бы его назвали таким странным именем? В это лето старую русскую няньку заменила немецкая бонна, и я прямо мучил ее вопросами, как выглядит Herr Storch, что он делает, не страшен ли, на что моя Лина плела какую-то чушь, впрочем, не бесполезную для практики немецкого языка».¹

Большинство сегодняшних русских читателей этих мемуаров оказывается в ситуации немецкой гувернантки пятилетнего Бенуа. Сведениями о деятельности представителей семейства Шторхов, русских подданных немецкого происхождения, располагает лишь очень узкий круг специалистов. Так и Андрей Карлович Шторх — видный деятель русской культуры, автор многочисленных трудов о России, вице-президент Академии наук предстает сегодня скорее загадочной или даже вовсе забытой личностью.

Примечательно то, что связь Шторхов с Павловском не исчерпывается забавной прихотью приведенного выше детского воспомина-

¹ Бенуа А. Н. *Художественные письма*. Париж. 1930—1936. М., 1997. С. 4.

ния: Платон Андреевич Шторх — вероятный владелец дачи с аистом, поразившей мальчика Бенуа, не кто иной, как автор «Путеводителя по саду и городу Павловску» (1843),² ставшего легендарным благодаря иллюстрациям Василия Андреевича Жуковского. Еще более тесные и обязывающие отношения с дворцовой жизнью Павловска связывали отца Платона — Андрея Карловича Шторха — в ходе его двадцатилетней педагогической деятельности при дворе.³ Садово-парковому ансамблю посвящено и одно из произведений Андрея Карловича, выделяющееся из корпуса многочисленных работ учебного благодаря своему художественному, поэтическому характеру. «Письма о саде в Павловске, написанные в 1802 году» А. К. Шторха находятся в центре внимания второй половины данной статьи. Обращение к художественным особенностям этого произведения в его литературно-историческом контексте позволит подробнее осветить один из многочисленных аспектов русской культуры на рубеже XVIII и XIX вв., изучению которой была посвящена вся научная деятельность А. К. Шторха.

В первой половине данной статьи представлены основные вехи жизненного пути Андрея Карловича Шторха и очерчен круг профессиональных интересов, определивших характер произведений этого автора, вошедшего в европейскую историю в первую очередь в качестве оригинального теоретика новой формирующейся в начале XIX в. науки — политической экономии. Многочисленные работы Шторха по статистике, экономике, финансам и литературе, написанные им на французском, немецком и русском языках, позволяют без сомнения отнести его к числу значительных представителей научного знания конца XVIII—первой трети XIX в.

1

Андрей Карлович Шторх родился 18 февраля 1766 г. в Риге. Как и у всех подданных России нерусского происхождения того времени, у него есть второе, немецкое, имя — Heinrich Friedrich von Storch.⁴ Школьное образование Шторх получил в училище при

² Шторх П. А. Путеводитель по саду и городу Павловску. (С 12-тью видами, рисованными с натуры В. А. Жуковским, и планом). СПб., 1843.

³ В течение 1799—1819 гг. А. К. Шторх являлся наставником и преподавателем вел. княжон Александры, Елены, Марии, Екатерины и Анны и вел. князей Николая и Михаила Павловичей.

⁴ Биографические данные см.: Сомов А. Шторх А. К. // Русский биографический словарь. Т. «Шебанов—Шютц». СПб., 1911. С. 428—432; Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1893. Bd 36. S. 437—439; Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1832—1861 [Reprint: Berlin, 1966]. Bd 4. S. 213—214, 303—308; Das gelehrte Deutschland. 1798. Bd VII. S. 682—683.

Рижском соборе, после чего продолжил обучение, покинув Россию в общей сложности на четыре года. В первые два года Шторх посещал философские и юридические лекции в университете Йены, занимаясь дополнительно политическими науками. Прежде чем продолжить дальнейшее обучение в Гейдельбергском университете, находящемся на юге Германии, Шторх предпринял путешествие по этой части страны и по пограничным французским провинциям, направляясь к столице Франции — Парижу. Результатом этого путешествия стало первое самостоятельное сочинение, опубликованное в 1787 г. на немецком языке под названием «Очерки, рассказы и замечания во время путешествия по Франции».⁵ Эта работа соответствует жанру историко-статистической литературы в рамках описательного государствоведения, центральное требование которой — сбор и фиксация эмпирических данных об отдельных регионах Европы. В представлении позднего Просвещения только на основе множества точных и актуальных фактов может быть предпринят научный анализ государственного богатства. Соответственно и Шторх следует задачам «статистического путешественника».⁶ Передача в тексте «Очерков» увиденного и пережитого в ходе путешествия основывается на собственных наблюдениях автора, внимание которого направлено как на бытовые, так и на праздничные формы жизни, как на потребности и нравы широких слоев населения, так и на предметы «высокой культуры», проявляющиеся в образовании, науке и искусстве. Эмпирическая обоснованность в тексте описания путешествия характеризует методический подход автора, организующего свое пребывание в чужой среде таким образом, «чтобы посетить сначала все достопримечательности места, а потом без спешки обратиться к изучению нации, используя оставшееся время для знакомства с нравами, образом жизни, языком, и удовольствоваться <местными> развлечениями».⁷ В ходе описания путешествия Шторх предпринимает своеобразную, одновременно красочную и критическую реконструкцию культуры Франции и пограничных францужско-немецких регионов. Отличительной чертой «Очерков» является не только убедительная способность автора произведения к научному отбору материала и анализу эмпирических данных, но и редкая для описательного государствоведения художественная образность, впечатляющая изяществом и занимательностью стиля.

⁵ *Storch H. Skizzen, Szenen und Bemerkungen auf einer Reise durch Frankreich gesammelt. Heidelberg, 1787.*

⁶ Там же. С. 316. (Здесь и далее перевод на русский язык автора статьи).

⁷ «Man richte seinen Aufenthalt so ein, daß man zuerst alle Sehenswürdigkeiten besuche, und hernach, bey voller Musse, auf Studium der Nation, auf Kenntniß der Sitten, der Lebensart, der Sprache und auf Genuß der Vergnügungen die übrige Zeit verwenden könne». (Там же. С. 320).

Биографы Шторха единогласно отмечают, что благодаря этой книге, «изображавшей тогдашние обстоятельства Франции, обличавшей сметливость и наблюдательность с примесью юмора»⁸ Шторх, «невзирая на свой юный возраст и только что поконченный университетский курс, приобрел уже известность ученого».⁹ Действительно, Гейдельбергский университет предложил ему вскоре кафедру экстраординарного профессора политических наук.¹⁰ Шторх, однако, не принял это предложение и вернулся в 1787 г. в Россию, поселившись в Санкт-Петербурге. С этого момента вплоть до смерти Андрея Карловича в ноябре 1835 г. Петербург стал для него не только центральной ареной научной деятельности, но и объектом изучения.

По прибытии в Петербург, несмотря на имеющиеся рекомендации, в частности от графа Николая Петровича Румянцева, которому Шторх был представлен в Германии, Андрей Карлович только в начале 1788 г. получил должность, соответствующую его академической квалификации: а именно место профессора истории и литературы в Первом кадетском корпусе. В рамках преподавательской деятельности Шторх подготовил и опубликовал второй крупный труд. Учебное пособие — «Начальные основания литературы для кадетского корпуса»¹¹ — вышло в свет в 1789 г. на французском языке, на котором читались лекции для воспитанников корпуса. С кадетским корпусом также связана другая публикация, посвященная на этот раз разработке русского статистического материала, — «Проект библиотеки произведений для изучения Российского государства от дальних времен по сегодняшний день».¹² Год выхода обоих произведений был ознаменован сменой рода деятельности — Шторх был призван в департамент иностранных дел и покинул кадетский корпус. Новое служебное положение открыло Андрею Карловичу возможность интенсивной исследовательской деятельности. В последующие годы Шторх систематически продолжает занятия в области политических наук. Его исследовательские интересы охватывают широкий спектр вопросов экономического и государственного устройства. При этом Шторх целенаправленно обращается к сбору и анализу фактов российской действительности. Уже

⁸ *Шторх П. А.* Биографический очерк ученой и служебной деятельности А. К. Шторха // Шторх А. К. Курс политической экономии или положение начал, обуславливающих народное благоденствие. Сочинение, служившее руководством при воспитании их и. в. вел. кн. Николая и Михаила Павловичей. Пер. с франц. / Под. ред. И. В. Вернадского. СПб., 1881. С. I — XVI. С. IV.

⁹ Там же. С. II.

¹⁰ *Сомов А.* Шторх А. К. С. 429.

¹¹ *Storch H.* Principes généraux des Belles-Lettres: À l'usage du Corps des Cadets. St. Pétersbourg, 1789.

¹² *Storch H.* Projet d'une bibliothèque, peu nombreuse, pour servir à donner quelque connoissance de l'état de l'Empire de Russie depuis les tems les plus reculés jusqu'à nos jours. St. Pétersbourg, 1789.

в 1793 г. выходит из печати первый том нового двухтомного труда Шторха — «Изображение Санкт-Петербурга».¹³

«Факты и размышления являются материалом данной картины»,¹⁴ — пишет автор в предисловии к этому произведению, соединяющему в одной общей рамке историю, статистику, этно- и топографию. Тематическое построение «Изображения Петербурга» соответствует системе экономического знания на исходе XVIII в.: сначала дается описание внешней видимой территории города Санкт-Петербурга и окружающей его местности. При этом учитываются географические и климатические условия, наряду с описанием элементов культуры, внесенных человеком в данные природные условия. За панорамным изображением следует богатая деталями передача фактов и информации о населении города. Собранные из многочисленных источников данные об этническом составе, численности, профессиональных группах населения, их характеристики дополнены собственными размышлениями автора о тенденциях развития города.

Успешно опробованная Шторхом при изображении Парижа стратегия создания информационно насыщенного повествования, доставляющего удовольствие при чтении, находит применение и в описании русской столицы. Более того, в тексте «Изображения Петербурга», представляющего собой чрезвычайно полное и точное описание русского хозяйственного и культурного строя того времени, автор демонстрирует дальнейшее развитие возможностей научно-статистической литературы. В этом смысле описание города и его окружения принципиально отличается от опубликованного в 1794 г. на русском языке «Описания столичного города Санкт-Петербурга» И. Г. Георги, который лишь собирает, перечисляет и организует факты в параграфы. Например, о Павловске читаем:

«§ 1088 Павловск, построенный его высочеством великим князем П. П. в 1780 году, находится в 5 верстах от Царского села в волнистой маленькими холмиками, смешанным лесом покрытой стране, у вершины речки Славянки, впадающей в Неву.

§ 1089 Великокняжеский замок, находящийся в Английском саду, не велик, но имеет 3 этажа и два флигеля. <...> Положение дворца дает прекрасный вид на многия сельские перемены сея страны».¹⁵

Шторх же создает увлекательный рассказ, насыщая научную прозу информацией и следуя принципу соединения пользы и удо-

¹³ *Storch H. Gemählde von S<ank>t Petersburg. Riga, 1793. Т. 1; 1794. Т. 2.*

¹⁴ «Thatsachen und Raisonnements sind der Stoff dieses Gemäldes». (Там же. Т. 1. С. VIII).

¹⁵ *Георги И. И. Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб., 1794. Ч. 1. С. 689—699.*

вольствия (*delectare et prodesse*).¹⁶ Так, например, описание окружающего путешественника ландшафта Петергофской дороги, являющейся, с экономической точки зрения, не чем иным, как транспортной магистралью, соединяющей город с его предместьями и гарантирующей таким образом обмен товарами и продуктами питания, предстает перед читателем «Изображения» Шторха как единый садово-парковый ансамбль — «непрекращающаяся цепь поместий, следующих друг за другом. Великолепие и вкус, затраты и искусство объединились здесь, чтобы создать из пустыни парадиз, чья прелесть возрастает от многообразия композиций и идей. Великолепные поместья, голландские деревни, уединенные домики, пруды, острова, сельские виды сменяют друг друга безпрестанно. Удивленный путешественник, видящий себя внезапно перенесенным из болотистых ижорских лесов на эту дорогу, думает, что оказался в мире фей, где природа и искусство танцуют вокруг его повозки в волшебном хороводе».¹⁷

Отдавая дань описательной экономической литературе, требующей создания как можно более полной и в то же время единой картины увиденного на основе перечисления многочисленных фактов, Шторх прилагает немалые усилия и как автор, и как компетентный наблюдатель для достижения наглядности и занимательности описываемого им предмета.¹⁸ Об удачной реализации этих усилий свидетельствует большой успех «Изображения Петербурга», которое было в скором времени переведено на французский, шведский и английский языки. На рубеже веков Шторх публикует многочисленные работы, посвященные систематиче-

¹⁶ В тексте предисловия к первой части описания Петербурга Шторха отсылка к соответствующему требованию поэтики Горация сопровождается жестом авторской скромности: «und wenn die Horazische Forderung bey der Erscheinung dieses Werkes noch nicht erfüllt ist, so ist das Uebel weniger dem guten Willen des Verfassers, als dem Überdruß zuzuschreiben, welcher ihm natürlich aus einer so einförmigen Beschäftigung entstehen musste». (Gemälde von St. Petersburg. С. IX).

¹⁷ «Eine ununterbrochene Kette von Landhäusern reiht sich hier an einander. Pracht und Geschmack, Aufwand und Kunst haben sich hier vereinigt eine Wüste zu einem Paradiese umzuschaffen, dessen Reiz durch die abstechende Mannigfaltigkeit der Anlagen und Ideen erhöht wird. Prächtige Landsitze, holländische Dörfer, Einsiedeleyn, Teiche, Inseln, ländliche Aussichten wechseln unaufhörlich ab. Der überraschte Reisende, der sich aus den morastigen Wäldern Ingermannlands plötzlich auf diese Heerstraße versetzt sieht, glaubt sich in den Regionen einer Feenwelt, wo Natur und Kunst einen zauberischen Reihentanz um seinen Wagen tanzen». (Там же. С. 79).

¹⁸ Художественные требования к описательной литературе на фоне дискуссии о конкурирующих в конце XVIII в. дискриптивных моделях более подробно рассмотрены на примере текста «Писем о саде в Павловске». См.: *Ананьева А. В.* Сад в поэзии и поэзия в саду: поэма Жака Делиля «Сады» и «Письма о саде в Павловске» А. К. Шторха // *Эстетика versus литература: Франция—Россия—Германия / Под ред. Е. Дмитриевой, М. Эспань.* М., 2005. С. 70—96.

скому изучению хозяйственного и общественного устройства российского государства. Эти исследования положили начало русской научно-статистической литературе, определив дальнейшее развитие статистики в течение XIX в.¹⁹

2

В 1803 г. в список наук, разрабатываемых Императорской Академией, была включена политическая экономия. На академическое кресло первого профессора в этой области в феврале 1804 г. был призван Андрей Карлович Шторх, являвшийся к тому времени членом-корреспондентом Академии.²⁰ Именно благодаря вкладу в развитие этой (в то время не только для России) новой науки и последующей многолетней связи с Академией, пост вице-президента которой ученый занимал в последние пять лет своей жизни, Шторх вошел в анналы академической памяти.²¹

Среди трудов по политической экономии особое значение имеет шеститомное издание «Курса политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие», опубликованное в 1815 г. Глубокое убеждение в том, что благосостояние нации заключается не только в ее богатстве, но и в ее *культуре*, лежит в основе развиваемого в этом труде учения.²² Не затрагивая деталей экономической теории, укажу лишь на один центральный пункт оригинальных воззрений Шторха, в котором он развивает самостоятельную и искусную критику положений экономической теории Адама Смита. Как известно, учению Смита отводилась неоспоримая, ведущая роль в развитии новой экономической науки, впервые занимающейся не вопросами перераспределения имеющихся в распоряжении государства богатств, а — *анализом их производства*. При том, что именно произведенные физическим трудом материальные блага составляют национальное богатство. В этом пункте Шторх не соглашается со Смитом и развивает новую теорию производства *нематериальных* благ, создающих так

¹⁹ Россия. Разд. «Статистика» // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1896.

²⁰ *Сомов А. Шторх А. К. С. 429.*

²¹ *Storch H.* 1) *Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations.* Ouvrage qui a servi à l'instruction de Leurs Altesesses Imperiales, les Grand-Ducs Nicolas et Michel. St.-Petersbourg, 1815. [Пепринт: Hildesheim, 1997]; 2) *Considérations sur la nature de revenu national.* Paris, 1824; 3) *Betrachtungen über die Natur des Nationaleinkommens.* Nach der französischen Urschrift vom Verfasser selbst übertragen. Halle, 1825; 4) *Zur Kritik des Begriffs von Nationalreichtum.* St. Petersburg, 1827.

²² *Schefold B.* Einleitung // *Storch von H. F. Cours d'économie politique.* (Historia scientiarum: Fachgebiet Wirtschaftswissenschaft). T. 1—6. Hildesheim, 1997. T. 1. C. I — LXV. C. VI.

называемые «внутренние ценности» национального достояния. К ним он причисляет: знание, здоровье, ремесленную ловкость, вкус, нравственность, религиозность, безопасность и досуг. В результате только совокупность материальных и нематериальных благ может составлять национальное благосостояние. «Отсюда следует, что труд создающих нематериальные ценности — в частности, труд учителей, врачей, чиновников — следует считать в такой же степени производительным, как и труд земледельца и фабричного рабочего. Если по Смигу все, кто занимается так называемыми услугами и интеллектуальной деятельностью, живет за счет труда земледельцев и промышленных рабочих, то с одинаковым основанием, по мнению Шторха, можно сказать, что земледельцы и рабочие живут за счет тех, кто снабжает их знаниями и заботится об их здоровье и создает им безопасность».²³

Оригинальные экономические доктрины, разработанные Шторхом в его политэкономических трудах, оказали влияние на европейскую науку. За петербургской публикацией «Курса» последовали комментированный перевод на немецкий язык Карла Генриха Рау в 1819 г. и комментированное переиздание под редакцией Жан-Батиста Сэя в 1823 г.²⁴ Об интенсивном разборе работ Шторха Карлом Марксом свидетельствуют многочисленные пассажи в «Капитале» и «Теории стоимости».²⁵ Кроме того, в последнее десятилетие отмечается своего рода «открытие» научного наследия Шторха как российскими, так и немецкими историками-экономистами. Последние выявляют параллели с теоретическими представлениями и проблемами, интересующими сегодняшнюю экономику, например в связи с теорией потребления, услуг и гуманного капитала.²⁶

²³ Ср. далее: «По учению Шторха, блага делятся на вещественные и невещественные; совокупность первых составляет национальное богатство (*richesse nationale*), совокупность вторых — национальную цивилизацию (*civilisation nationale*); и те и другие вместе составляют национальное благосостояние (*prosperité nationale*). Невещественные блага делятся на главные — здоровье, знание, ремесленная ловкость, вкус, нравственность, религиозность — и вспомогательные — безопасность и досуг. Шторх полагает, что главные невещественные блага также могут быть накапливаемы и обращаемы, как и вещественные блага». См.: *Шторх А. К.* // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1896.

²⁴ *Storch H.* 1) *Handbuch der Nationalwirtschaftslehre.* Aus dem Franz. mit Zusätzen / Hrsg. von K. H. Rau. T. 1—3. Hamburg, 1819—1820. [Перинт: Dillenburg, 1998]; 2) *Cours d'économie politique, Ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations.* Ouvrage qui a servi à l'instruction de LL. AA. II. les grand-ducs Nicolas et Michel. Avec des notes explicatives et critiques / Под ред. J. B. Say. T. 1—5. Paris, 1823—1824. Издание на русском языке под ред. И. В. Вернадского увидело свет лишь в 1881 г.

²⁵ Краткий разбор тезисов и указания по тексту «Капитала»: *Schefold B.* *Einleitung.* С. LVIII—LXI.

²⁶ *Rentrup K.* *Heinrich von Storch: Das «Handbuch der Nationalwirtschaftslehre» und die Konzeption der «inneren Güter».* Heidelberg, 1989; *Schumann J.* 1) Heinrich

В год, положивший начало деятельности Шторха в качестве первого профессора политической экономии, в издательстве Академии наук публикуется одно нетипичное произведение призванного на новый пост академика. Книга карманного формата, о которой уже шла речь в начале статьи, носит название «Письма о саде в Павловске» и представляет собой первое самостоятельное описание Павловского садово-паркового ансамбля.²⁷ Этот текст, состоящий из восьми писем, обращенных к остающемуся для читателя неизвестным адресату, не только представляет Павловский парк в свете современного ему садового идеала, но и демонстрирует описание сада как литературный жанр, находящийся на высоте развития художественного мира европейского садово-паркового искусства.

В течение второй половины XVIII в. описательная литература о садах постепенно перерастает из литературы для практического использования при садостроении в художественные произведения, применяющие к тексту принципы пейзажного парка. В рамках описательного жанра дает о себе знать поэтологическое осмысление новой эстетики, направленной на развитие доверительного отношения к восприятию красоты природы и раскрывающей возможность непосредственной связи с внешним миром. Пространству сада при этом отводится роль своеобразной школы развития чувств и эмоциональной самодисциплины. Описанию сада в тексте, как научном, так и поэтическом, приписывается способность адекватного выражения садового переживания и, как следствие, — функция духовного вос-

von Storch: Originäre nationalökonomische Beiträge eines russischen Klassikers deutscher Herkunft // Studien zur Entwicklung der ökonomischen Theorie. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik; NF) / Hrsg. von F. Neumark. Berlin, 1992. Ч. 115/XII. С. 33—63; 2) Ansätze einer subjektivistischen Wertlehre und die Theorie der «inneren Güter» bei Heinrich von Storch // Wert, Meinung, Bedeutung — die Tradition der subjektiven Wertlehre in der deutschen Nationalökonomie vor Menger / Hrsg. von B. P. Priddat. Marburg, 1997. С. 161—189; *Grasshoff A.* Heinrich Storch (1756—1835): Wissenschaftliche Statistik und russische Literaturgeschichtsschreibung im 18. Jahrhundert // Gesellschaft und Kultur Mittel-, Ost- und Südosteuropas im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. (Festschrift für Erich Donnert zum 65. Geburtstag) / Hrsg. von H. Reinhalter. Frankfurt am Main, 1994. С. 109—116; *Schefold B.* Einleitung. S. I—LXV.

²⁷ *Storch H.* Briefe über den Garten zu Pawlowsk geschrieben im Jahr 1802. St. Petersburg, 1804. Переиздание книги было предпринято по инициативе автора статьи в рамках публикации к выставке, состоявшейся в мюнхенском Хаус дер Кунст с ноября 2001 по февраль 2002 г.: *Storch H.* Briefe über den Garten zu Pawlowsk, geschrieben im Jahr 1802 // Krieg und Frieden — eine deutsche Zarin in Schloß Pawlowsk. Hamburg, 2001. С. 281—306. Вводная статья: *Ananieva A.* Parkbeschreibung und Gartnerlebnis: Einführende Bemerkungen zu Heinrich von Storchs «Briefe über den Garten zu Pawlowsk» // Там же. С. 307—315. Издание на русском языке в переводе Ю. А. Ходосова: *Шторх А.* Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году. СПб., 2004.

питания. Знаменитыми примерами взаимосуществования сада и его описания в целях распространения эстетики пейзажного сада служат как описательная поэма Жака Делиля «Сады, или Искусство украшать ландшафты», так и «Теория садового искусства» Кристиана Кая Лоренца Хиршфельда.

В систему экономического знания сады включаются прежде всего в качестве образца культивированного пространства. В этом значении разные отрасли садоводства, как изящного, так и хозяйственного, подлежат описанию в научно-статистической литературе. Соответственно к описаниям садово-парковых ансамблей Петербурга и его окрестностей обращался и Андрей Карлович Шторх, в частности в тексте «Изображения Петербурга». Однако в начале XIX в. в научной прозе, в особенности по отношению к текстам о садах, намечается принципиальное расхождение двух описательных стратегий: одна из них требует передачи объективной информации о предмете описания, другая — отражения впечатлений и чувств, возникающих у посетителя конкретного сада. Этот спор приводит в конечном итоге к постепенному разделению корпуса садовых описаний на научную, в современном значении, литературу и произведений поэтического характера. Поэтому, например, в глазах биографов Шторха уже во второй половине XIX в. «Письма о саде в Павловске» занимают некое промежуточное место в принятой классификации и относятся не к собственно научным трудам, а к так называемым «полупоэтическим» произведениям.

Свидетельство осознанного подхода автора «Писем» к выразительным возможностям описания сада расположено в самом начале этого произведения. Приведу цитату из вступительного пассажа «Писем о саде в Павловске», в котором Шторх обосновывает свой поэтологический выбор и тем самым отсылает читателя к актуальной для автора дискуссии о жанре описания:

«Уже несколько дней, мой дорогой друг, живу я в Павловске. Вы хотели прочесть описание этого очаровательного своей природой и произведениями искусства места <...>. Я спешу исполнить Вашу просьбу прежде, чем ослабеет первое впечатление, которое произвело на меня это изумительное творение. Если Вы ожидаете скорее сухой топографии, чем поэтического описания, то первое было бы скучным, а второе — поверхностным и неверным. Моя цель будет достигнута, если мне удастся представить Вашему воображению предметы такими, какими я их увидел во время прогулок, и тут же описать Вам те ощущения, которые вызвали во мне картины великолепной природы».²⁸

Очевидно, что, построив текст о садово-парковом ансамбле в Павловске в форме повествования в письмах, Шторх обращается

²⁸ Шторх А. Письма. С. 9. Цит. в переводе Ю. А. Ходосова с некоторыми исправлениями.

к тому арсеналу художественных средств литературных произведений, с которым был связан успех многочисленных романов или путевых заметок в письмах. Указывая, но не называя фиктивного адресата писем, автор требует от своего читателя дополнительных усилий воображения: постепенно читатель не только перенимает роль получателя «Писем», но и подспудно воображает себе возможные ответные послания. При том, что *содержание* ответов остается скрытым для публики, *наличие* состоявшегося диалога однако невозможно игнорировать, поскольку указания на него вкраплены в общую текстуру «Писем». Игровой характер присутствия-отсутствия адресата расширяет художественные возможности описания Павловского сада и позволяет вынести, опираясь на работу воображения, реализацию диалога за пределы текста. Интересным примером того, как убедительно этот художественный прием мог действовать на читательскую публику, склонную воспринимать его буквально, служат попытки «реконструкции» личности действительного получателя писем, не прекращавшиеся в течение XIX в. Эти поиски, вернее один из их предположительных результатов, отразились в фундаментальном издании по истории Павловска, подготовленном историком Михаилом Ивановичем Семевским к столетнему юбилею парка в 1877.²⁹ С тех пор представление о «певце садов» Жаке Делиле как адресате «Писем» Шторха представляет собой общее место популярных публикаций о Павловске.

Обращение автора описания садово-паркового ансамбля в Павловске к эпистолярной форме свидетельствует в первую очередь о возросшей на рубеже веков субъективности в восприятии сада и отражает осознанную необходимость «интимизации» форм его художественного выражения. В этом смысле «Письма о саде в Павловске» находятся, скорее, в (хотя и дальнем) родстве с рядом знаменитых дружеских посланий, содержащих стихотворные описания садово-усадебных ансамблей, например поэтов львовско-державинского кружка.³⁰

В художественном языке произведения Шторха находит выражение не просто знакомство с эстетикой пейзажного сада, а глубокие знания автора о тех изменениях, которые обозначились в ней на рубеже XVIII и XIX вв. Самые значимые из них: применение категории живописного, определение ландшафта по отношению к саду, автономия замысла садового художника и впечатления посетителя сада, дифференциация возможных эстетических ощущений, переоценка и реинтеграция элементов регулярного сада. Показательно, что для Шторха не представляет труда соотнести особенности современ-

²⁹ Семевский М. И. Павловск. Очерк истории и описание: 1777—1877. СПб., 1877.

³⁰ Ср.: Веселова А. Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 206—218.

ной ему поэтики сада с соответствующим конкретным развитием садово-паркового ансамбля в Павловске. Описательную технику текста о саде он развивает до того изошренно, что «Письма» до сих пор производят впечатление «современного» текста, в отличие от подавляющего большинства садовых описаний современников Шторха.

Пристальный анализ текста «Писем о саде в Павловске» позволяет говорить об этом произведении как об оригинальной авторской попытке адекватного выражения в тексте динамичного художественного мира сада, постепенно теряющего на рубеже веков четкие контуры своих эстетических категорий в свете усиления индивидуальности восприятия.³¹ Вследствие чего эмоциональное впечатление от посещения сада все больше и больше получает характер индивидуально-биографического эпизода и входит в состав мемуарной литературы или принимает форму лирического текста, без обязательств по отношению к реалиям конкретного садового пространства.

«Письма о саде в Павловске» Шторха достигают того пункта в развитии описательной литературы о садах, с которым связано осмысление экспериментальных возможностей эстетики пейзажного сада вне границ собственно садово-паркового искусства. Соответственно автор, отдавая должное автономности искусства садостроения, демонстрирует новые возможности описательного жанра, способного удовлетворить требованиям подлинности в передаче действительности без ущерба для индивидуального характера садового переживания.

4

В заключение приведем цитату из работы Шторха, опубликованной на русском языке в 1810 г., в сотрудничестве с Федором Павловичем Аделунгом.³² В предисловии к первому тому «Система-

³¹ Об изменениях в эстетике природы и роли ландшафта в поэтике русской литературы см.: *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 207—222.

³² «А. К. Шторх и Ф. П. Аделунг проявили удивительную прозорливость, разработав методику анализа документального потока, включающую такие критерии оценки наблюдаемого объекта, которые используют и современные исследователи для аналогичных целей. <...> факты, зафиксированные в исследовании, доносят до последующих поколений не только прямую информацию о состоянии объекта, но и косвенную, запечатлевшую приметы времени, по которым можно судить о различных сторонах жизни общества: о науке, культуре, экономике и т. д.» (*Сладкова О. Б.* Мониторинг как социальная технология: культурологический аспект // Мат-лы интернет-конференции «Социология и культурология современного менеджмента и социально-информационных технологий» (МГУКИ, 2002). http://msuc.edu.ru/conf_02/part2/doc3.html (31.08.2002); <http://www.culturalmanagement.ru/books/491?cid=332> (27.11.2008)).

тического обозрения литературы в России», посвященного, между прочим, произведениям на русском языке, Шторх выражает позицию издателя, обосновывая отбор публикаций для двухтомного «Обозрения». В соответствии с принципом, сформулированным в этом высказывании, следует, по моему убеждению, пересмотреть и место литературного наследия самого Шторха.

«Российская империя заключает в себе кроме главной нации многие народы, которые имеют собственный язык и литературу; и самые Российския сочинители пишут не на одном языке Российском, но так же иногда и на других языках, как древних, так и новейших. Следовательно обозрение литературы в России не может быть ограничено книгами, писанными токмо на языке Российском и сочинителями Российской нации; оно должно заключать в себе все произведения литературы сей империи и всех писателей, гражданами оной почитаемых».³³

³³ Шторх А. К. Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год. Ч. I. Российская литература. СПб., 1810.